

КОНВЕНЦИОННО-КОНСТИТУЦИОННЫЕ КОЛЛИЗИИ В ПРАКТИКЕ ЕСПЧ И КС РФ: ПРОБЛЕМА, НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ПУТИ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ

CONVENTIONAL-CONSTITUTIONAL COLLISSIONS WITHIN CASE-LAW OF THE ECHR AND THE CONSTITUTIONAL COURT OF RUSSIA: ARTICULATION OF ISSUE, SOME METHODOLOGICAL CAUSES AND SOLUTIONS

K. Chernovol

Summary. Conventional-constitutional collisions are contradictions between interpretation of provisions of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms given by the European Court of Human Rights and the provisions of national constitutions, including in their interpretation by constitutional courts or other highest courts invested with analogous powers. Such collisions with participation of bodies conducting constitutional control indicate that there is an insufficient degree of harmonization between a national legal system and all-European legal space. The present paper is dedicated to analyze the stated problem within a framework of Russian legal system and includes a brief description of Judgments of the ECHR in modern Russian law, offers insight to problems of conventional-constitutional collisions in case law of the Constitutional Court of the Russian Federation and reviews some methodological aspects of why such collisions develop and how they can be averted.

Keywords: conventional-constitutional collisions, ECtHR, Constitutional Court of the Russian Federation, conflicts in interpretation.

Черновол Кирилл Александрович

Аспирант, Национальный исследовательский университет — Высшая школа экономики
k.a.chernovol@gmail.com

Аннотация. Конвенционно-конституционные коллизии представляют собой конфликты толкования положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод, осуществляемого Европейским Судом по правам человека, и положений национальных конституций, в том числе в их истолковании конституционными судами или другими высшими судами, наделёнными аналогичными полномочиями. Наличие таких коллизий с участием органов конституционного контроля означает недостаточную гармонизацию национальной правовой системы с общеевропейским правовым пространством. В данной статье, посвящённой рассмотрению указанной проблемы в российской правовой системе, кратко описан правовой статус решений ЕСПЧ в современном российском праве, освещены проблемы конвенционно-конституционных коллизий в практике Конституционного Суда РФ, рассмотрены некоторые методологические причины их возникновения и способы предотвращения.

Ключевые слова: конвенционно-конституционные коллизии, ЕСПЧ, КС РФ, конфликты толкования.

В силу положений ч. 4 ст. 15 Конституции РФ положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней — а, следовательно, и решения ЕСПЧ — являются частью российской правовой системы. При этом В. В. Лазарев и Е. Н. Мурашова обращают внимание, что общепризнанные принципы и нормы международного права являются составной частью именно правовой системы, а не системы права или права в целом. В указанное понятие входят система правоотношений, правоприменительная практика, а также органы, обеспечивающие действие права [19, с. 113]. Обязательность решений ЕСПЧ для органов власти РФ обеспечивается положениями Федерального закона от 30 марта 1998 года № 54-ФЗ «О ратификации

Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», согласно статье 1 которого «Российская Федерация в соответствии со статьёй 46 Конвенции признает *ipso facto* и без специального соглашения юрисдикцию Европейского Суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случаях предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после их вступления в действие в отношении Российской Федерации».

Решения ЕСПЧ, как и решения Конституционного Суда РФ, для российского права — в первую очередь,

конституционного — являются актами, содержащими разъяснения о том, как в рассматриваемой в конкретном деле правовой ситуации — а, следовательно, и в аналогичных ситуациях в будущем — необходимо поступать органам государственной власти, чтобы не допустить нарушения прав и свобод человека и гражданина, а в случае с Конституционным Судом РФ — также иных ценностей, перечисленных в Конституции РФ и соблюсти их баланс с упомянутыми ранее ценностями. Представляется, что правовые статусы решений ЕСПЧ и КС РФ в российской правовой системе обладают схожими чертами. Так, например, согласно пп. 3–4 ст. 392 ГПК РФ и пп. 3–4 ст. 311 АПК РФ, и постановления КС РФ, и решения ЕСПЧ могут быть основанием для пересмотра судебных актов по новым или вновь открывшимся обстоятельствам. Исходя из подпункта «а» п. 2 Положения о мониторинге правоприменения в Российской Федерации, в целях выполнения решений как КС РФ, так и ЕСПЧ законодательные и иные нормативные правовые акты РФ могут приниматься (издаваться), изменяться или признаваться утратившими силу. Решения ЕСПЧ наряду с актами КС РФ и ВС РФ учитываются при разработке Министерством юстиции РФ ежегодного плана мониторинга правоприменения в РФ [4]. Представляется верным рассматривать решения ЕСПЧ как особый вид правовых актов, имеющий в российском праве схожий статус с решениями КС РФ. Вместе с тем, схожесть не означает идентичности правовых статусов указанных судебных органов. Так, Федеральным конституционным законом от 14 декабря 2015 года № 7-ФКЗ КС РФ наделён правом по запросу компетентного федерального органа исполнительной власти рассматривать вопрос о возможности исполнения решений ЕСПЧ. По итогам рассмотрения такого дела КС РФ принимает решения о возможности либо о невозможности исполнения в целом или в части в соответствии с Конституцией РФ решения ЕСПЧ, принятого на основании положений ЕКПЧ в их истолковании Европейским Судом по правам человека, в связи с которым был подан запрос в Конституционный Суд Российской Федерации. Во втором случае установлен запрет на осуществление любых действий, направленных на исполнение соответствующего решения ЕСПЧ. Таким образом, акты ЕСПЧ в российской правовой системе не обладают равным по отношению к решениям КС РФ статусом.

Особенности отношений КС РФ и ЕСПЧ на современном этапе определяются подходом Конституционного Суда РФ, сформулированным в постановлениях от 6 декабря 2013 года № 27-П и от 14 июля 2015 года № 21-П. Так, в Постановлении от 6 декабря 2013 года КС РФ подтвердил, что решение ЕСПЧ по конкретному делу является основанием для пересмотра компетентным судом РФ дела по вновь открывшимся обстоятельствам по заявлению заинтересованного лица, целью которого

является «всестороннее и полное рассмотрение доводов [ЕСПЧ], а также обстоятельств конкретного дела». Таким образом, в правовых позициях Конституционного Суда РФ учитывается принцип свободы усмотрения государства вкупе с принципом субсидиарности механизмов международной правовой защиты [20, с. 47]. Вместе с тем, КС РФ подчеркнул, что не каждое нарушение Конвенции, установленное ЕСПЧ, является основанием для пересмотра вступившего в законную силу решения российского суда. Дело подлежит пересмотру только при наличии причинно-следственной связи между установленным нарушением прав человека и длящимися на момент судебной ревизии неблагоприятными последствиями, испытываемыми заявителем, а также при условии недостаточности не связанных с пересмотром судебного акта средств обеспечения восстановления нарушенных прав и свобод. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 14 июля 2015 года № 21-П подчеркнул, что правовые позиции ЕСПЧ не могут отменять приоритет Конституции РФ; практическая реализация таких позиций возможна только с учётом верховенства Конституции, которое, в свою очередь, может быть обеспечено исключительно Конституционным Судом РФ либо в рамках проверки конституционности законодательных норм, в которых ЕСПЧ обнаружил изъяны, либо в процессе толкования Конституции РФ в случае, если органы власти сочтут конкретное постановление ЕСПЧ в отношении России неисполнимым без нарушения Основного Закона [2].

Исследуя вопросы места позиций ЕСПЧ в национальной правовой системе, следует учитывать, что «из части 4 статьи ст. 15 Конституции РФ вытекает, что правовые позиции Европейского Суда как положения конвенционного истолкования имеют большую по отношению к положениям национального законодательства юридическую силу» [13, с. 116–117]. Хотя предметные сферы правовых позиций Европейского Суда по правам человека и Конституционного Суда РФ во многом совпадают [10, с. 10], они не идентичны. Между рассматриваемыми видами правовых позиций существует ряд отличий, в силу которых результаты правотолковательной деятельности КС РФ и ЕСПЧ по идентичным вопросам могут существенно различаться. Так, Конституционный Суд РФ рассматривает правовые вопросы с точки зрения конституционных ценностей и принципов в их системной взаимосвязи и с учётом необходимости сохранения баланса таких ценностей и принципов. Кроме того, правовые позиции Конституционного Суда РФ формируются с учётом социальных, политических и экономических условий, существующих на момент разбирательства по тому или иному делу.

С учётом изложенного, представляется значимой проблема коллизий между позициями КС РФ и ЕСПЧ,

возникающих в том числе вследствие различающихся факторов формирования таких правовых позиций. Так, например, в позиции по делу «Республиканская партия России против России» ЕСПЧ подверг критике позицию КС РФ, выраженную в Постановлении от 1 февраля 2005 года № 1-П, согласно которой в условиях, «когда российское общество еще не приобрело прочный опыт демократического существования, при том что имеют место серьезные вызовы со стороны сепаратистских, националистических, террористических сил, создание региональных политических партий — поскольку они стремились бы к отстаиванию преимущественно своих, сугубо региональных и местных, интересов — могло бы привести к нарушению государственной целостности и единства системы государственной власти как основ федеративного устройства России» [1] — представляется, что в данной позиции Конституционный Суд РФ установил приоритет государственной целостности и единства системы государственной власти над правом на объединение и свободу деятельности общественных объединений, гарантированных ч. 1 ст. 30 Конституции РФ и коррелирующей ей ст. 11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. ЕСПЧ, принимая во внимание особый исторически-политический контекст России, указал, что общие ограничения, накладываемые на политические партии — а фактически, запрет на создание региональных партий — в целях защиты демократических институтов, могли быть оправданы в начале проведения демократических реформ в государстве, но не в 2001 году, спустя 10 лет после начала демократического перехода. Европейский Суд по правам человека пришёл к выводу, что наложение запрета на учреждение региональных партий не является необходимым условием для защиты российского законодательства, институтов и обеспечения национальной безопасности [7, пп. 127–129]. Таким образом, в приведённом деле ЕСПЧ указал на необходимость сохранения прав, гарантированных ст. 11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, при обеспечении государственной целостности и единства системы государственной власти. Несмотря на предметное сходство ценностей, гарантируемых Конвенцией и Конституцией РФ, разные взгляды на вопрос сбалансированного обеспечения таких ценностей приводят к формулированию КС РФ и ЕСПЧ противоположных правовых позиций.

К различиям в правовых позициях приводят не только разные взгляды на правовые ценности, но и отсутствие единого определения различных правовых терминов. Для толкования положений Конвенции Европейский Суд по правам человека не исходит из того, каким образом содержание тех или иных понятий раскрывается органами власти государства, выступающего в качестве стороны по тому или иному делу. ЕСПЧ вырабатывает собственное, автономное понимание

правовых терминов, необходимое для принятия решения по делу. Данный метод способствует выработке единых стандартов правоприменения в сферах ведения ЕСПЧ [11, с. 20]. Представляется, что автономное толкование ведёт к различиям во взглядах на гарантированные Конвенцией ценности с позиций ЕСПЧ и государств, ратифицировавших Конвенцию, что может привести к коллизии. Так, в деле «Прокопович против России» имел место, в частности, спор о том, являлась ли жилищем квартира, право заявительницы на проживание в которой было нарушено. Согласно позиции органов власти РФ, право заявительницы на неприкосновенность жилища не было затронуто, поскольку отсутствовало законное основание на её проживание в оспариваемой квартире. ЕСПЧ в рамках толкования статьи 8 Конвенции указал, что концепция «жилища» как объекта правовой защиты представляет собой автономное понятие, зависящее от наличия достаточных продолжающихся связей с конкретным местом проживания, а не от классификации в национальном праве. Обратим внимание, что в действовавшем на момент рассмотрения дела Жилищном кодексе РСФСР от 24 июня 1983 года отсутствовало определение термина «жилище» или термина, аналогичного приведённому [8].

В качестве примера конфликта толкований правовых терминов приведём Определение КС РФ от 15 января 2009 года № 187-О-О и связанное с ним решение ЕСПЧ по делу «Константин Маркин против России». Рассматривая вопрос о наличии признаков дискриминации в отсутствие у мужчин-военнослужащих права на оплачиваемый отпуск по уходу за ребёнком, Конституционный Суд РФ указал, что такое ограничение не является дискриминирующим в том числе исходя из положений части 2 статьи 1 Конвенции МОТ № 111, согласно которому «не считаются дискриминацией различия, исключения или предпочтения в области труда и занятий, основанные на специфических (квалификационных) требованиях, связанных с определенной работой». ЕСПЧ не согласился с таким толкованием, указав, что дискриминация по смыслу ст. 14 Конвенции о защите прав человека и основных свобод связана с предоставлением каких-либо преимуществ, обусловленных исключительно объективными признаками без учёта индивидуальных особенностей лица.

Сам Конституционный Суд РФ в Постановлении от 14 июля 2015 года № 21-П приводил опыт конституционных судов зарубежных стран, когда в силу «конвенционно-конституционных коллизий», возникших в результате различий в толковании конвенционных положений, данных ЕСПЧ в рамках рассмотрения конкретных дел, и предметно аналогичных положений национальных конституций, в том числе в их истолковании органами конституционного контроля [см.: 5, 8, 9]. КС РФ подчер-

кнул, что конвенционно-конституционные коллизии возникали именно в связи с конфликтами толкования, а не из-за противоречий между Конвенцией о защите прав человека и основных свобод и национальными конституциями [2].

Анализируя возражения КС РФ на правовые позиции ЕСПЧ, отметим также исторический подход, применяемый Конституционным Судом РФ. Так, в Постановлении от 19 апреля 2016 года № 12-П КС РФ, рассматривая вопрос о возможности исполнения постановления ЕСПЧ по делу «Анчугов и Гладков против России», принял во внимание фактор «обстоятельств и условий, на которых Россия подписала и ратифицировала Конвенцию», а также расхождение истолкования ЕСПЧ в указанном деле статьи 3 Протокола № 1 к Конвенции со смыслом, из которого «исходили Совет Европы и Россия как стороны данного международного договора при его подписании и ратификации» [3]. Обратим внимание, что, по мнению Д.В. Красикова, применение КС РФ такого подхода не соответствует общему международному праву и порождает существенную неопределённость «относительно толкования [ЕСПЧ] статьи 3 Протокола № 1 к Конвенции и параметров восприятия практики ЕСПЧ российской правовой системой» [18, с. 109].

Обратим внимание на позицию В.Д. Зорькина о проблемах имплементации Конвенции о защите прав человека и основных свобод в российскую правовую систему посредством конституционного правосудия. Председатель Конституционного Суда РФ указывает, что «главной проблемой, с которой столкнулся Конституционный Суд в своей работе, является необходимость одновременного решения двух не всегда легко сочетаемых задач: гармонизации российской правовой системы с общеевропейским правовым пространством, с одной стороны, и защиты собственной конституционной идентичности — с другой» [16, с. 814]. В данном контексте отметим позицию Г.А. Гаджиева о том, что данная концепция появилась в Постановлении КС РФ от 16 апреля 2016 года по делу, в котором разрешался вопрос о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по делу «Анчугов и Гладков против России» и заключается, среди прочего, в том, что «взаимодействие европейского конвенционного и российского конституционного правопорядков невозможно в условиях субординации, поскольку только диалог между различными правовыми системами является основой их надлежащего равновесия, и от уважения Европейским Судом по правам человека национальной конституционной идентичности зависит эффективность норм Конвенции о защите прав человека» [14, с. 3]. Кроме того, Г.А. Гаджиев в качестве составной части концепции судебной конституционной идентичности применительно к отношениям ЕСПЧ и КС

РФ называет «реалистическое допущение возможности неуспеха в достижении компромисса между национальным российским и наднациональным европейским правопорядками» [14, с. 9]. Представляется, что такая концепция потенциально не способствует устранению или предотвращению возникновения конвенционно-конституционных коллизий.

Проблема возникновения таких коллизий носит составной характер. Необходимость учёта разных правовых ценностей, различия в понимании и принятии во внимание таких ценностей, разное толкование правовых терминов, защита интересов государства и конституционной идентичности в совокупности приводят к конфликту правовых позиций КС РФ и ЕСПЧ. Как отмечает Г.А. Гаджиев, «в основе разрешения сложной юридической коллизии, возникшей между Европейским Судом по правам человека и Конституционным Судом России, лежат новые юридические методы, отличные от ставших традиционными методов юридической силлогистики и аксиологических методов». В числе таких методов указанный автор приводит методологию структурализма, юридическую феноменологию и юридический прагматизм [15, с. 5]. Согласно исследованиям С.В. Королёва, методика юридического структурализма предполагает интерпретацию права в виде семиотической структуры, в которой каждое правовое явление представляется в виде смысловой единицы — знака. В зависимости от степени дифференциации значений, абстрактности юридических понятий они подразделяются на изображения (наименее сложная единица), индексы и символы (наиболее сложная единица). При этом индексы включают в себя изображения, а символы содержат в себе изображения и индексы. Такие знаки являются объектом юридического структурализма. Таким образом, право представляется в виде вертикальной знаковой структуры, при этом явления одного порядка — например, нормы права — могут быть связаны между собой и взаимно влиять друг на друга (горизонтальная структура права) [17, с. 199–202]. Такая структуризация права представляется ценной при анализе правовых явлений в рамках языка или их сопоставлении в разных языках — например, при сравнительном анализе толкования правовых терминов Конституционным Судом РФ и Европейским Судом по правам человека.

На сходство усвоения правовых норм с усвоением семиотических систем — например, языка — в части необходимости интерпретировать указывается и с позиций феноменологического метода толкования права [23, с. 70]. Одним из важных элементов анализа правовых норм является селекция, то есть «отбор из нескольких вариантов возможных значений правовой нормы путём интерпретации одного». За селекцией следует хабиутализация — «опривычивание» восприятия значения

правовых норм, благодаря которому их толкование социальными «экспертами» [24, с. 5], например, исследователями или судьями, возможно в «свёрнутом» виде, без необходимости каждый раз приводить цепь логических рассуждений и, следовательно, становятся возможны новые рассуждения и инновации на основе уже существующих [12, с. 33]. Наконец, посредством объективации — фиксации во внешних формах — происходит отчуждение результатов интеллектуальной деятельности, их социальная интеграция. Такое отчуждение может происходить в форме седиментации, то есть обобщённого выражения ключевых результатов опыта [12, с. 39–40] — как, например, в случае с прецедентом толкования — или в форме реификации, то есть восприятия того или иного продукта человеческой деятельности в качестве объективно существующего явления, вне диалектической связи с создателем [12, с. 48]. В качестве примера реификации в правотолковательной деятельности приведём абсолютизацию значения правовых норм без учёта контекста их создания.

Результатом перечисленных приёмов является формирование смыслового значения, придаваемого правовому явлению. Данный подход позволяет рассматривать методологию правотолковательной деятельности не как легитимацию уже принятых решений, а как первичное исследование правовых явлений. Следовательно, и подходы к разрешению возможных конфликтов, возникающих вследствие разного толкования правовых явлений разными институтами, могут формироваться с учётом методов феноменологии права.

В концепции юридического прагматизма право рассматривается как непрерывный философский процесс установления социального контроля, при котором, согласно прагматическому методу Р. Паунда, презюмируется необходимость вынесения судьёй «практически непогрешимого» решения, «результаты которого будут максимально способствовать достижению убеждения в установлении идеала социального контроля на основе всего человеческого опыта» [22, с. 65]. Как указывал Ч. Пирс, понятие практической непогрешимости противопоставляется «теоретической непогрешимости» как «какофонии противоречивых значений». Такое противопоставление возникает из отрицания в философии прагматизма возможности достижения абсолютной достоверности, точности и универсальности суждений, исходя из которого Ч. Пирс делает вывод, что логически возможно описать только практическую достоверность суждений, определяемую в соответствии с целями и задачами того, кто занимается выработкой такого суждения [25, Vol.1, paras. 141, 171, 248, 661; Vol.2, para. 192]. Р. Паунд в качестве такой цели применительно к праву указывает социальный контроль, формой которого является воплощение права органами государственной власти, в том

числе судами [22, с. 33]. При этом задачей правоприменительной и правотолковательной деятельности является обеспечение выработка решений, посредством которых поддерживалась бы идеальная «картина» социального контроля, «которая господствует в обществе в момент принятия решения» [22, с. 38]. Суть прагматической методологии в праве «отражается в особом способе формулирования или нахождения решения по конкретному спору, рассматриваемому в судебном или административном порядке». Критерием эффективности результата такого формулирования или нахождения является максимальная приближённость к истине и полезность для установления «социального контроля», определяемого применительно к праву как деятельность государства, осуществляемая через правопорядок [22, с. 37–38, 134], и «систематическое и организованное применение силы назначенными органами» [27, с. 26]. Социальный контроль как процесс должен быть направлен на достижение определяемой обществом в данный момент времени обобщённой идеальной модели социального порядка, то есть идеалу социального контроля [22, с. 72, 133, 134, 136]. Для достижения «практической непогрешимости» в правотолковательной деятельности и, соответственно, развития права как средства достижения «идеала социального контроля» в прагматической методологии существуют следующие методы:

- ◆ Научный метод, согласно которому процесс выработки решения выстраивается «таким образом, чтобы окончательные выводы, к которым приходит каждый, были подобны» [21, с. 118]. Данный метод применяется в связи с необходимостью «качественного исследования существующего в обществе соотношения интересов и фактического действия правовых предписаний» [22, с. 86]. Р. Паунд обращает внимание, что для целей правотолковательной деятельности в прагматизме используются те результаты «научного метода», которые приняты в науке, доказаны и не опровергнуты на момент принятия решения [26, с. 10]. В рамках прагматической методологии указанный автор также утверждает о необходимости использования в праве научных результатов, полученных с помощью методов социологии, этики, экономики, социальной психологии и политики [22, с. 76].
- ◆ Априорный метод состоит в выведении умозаключений, основанном не на опыте, а на представлениях о разумности [21, с. 112], а также философских концепций и доктрин [22, с. 93]. Представляется, что данный метод в правотолковательной деятельности состоит в доктринальном подходе и в нахождении разумных оснований для того или иного вывода. При этом выбор доктрины или концепции не должен осуществляться произвольно, он должен быть обуслов-

лен практической необходимостью установления социального контроля [29, с. 808].

- ◆ Метод авторитета состоит в обеспечении неукоснительного следования доктринам и устрашении и преследовании всех, кто не согласен с такими доктринами [21, с. 108–111]. Применительно к праву данный метод означает установление государственного принуждения в правоприменительной деятельности [28, с. 515].

Приведённые методы в своём единстве являются основой для установления социального контроля в рамках юридического прагматизма. Обратим внимание на роль, уделяемую в данной методологии доктрине и применению междисциплинарного подхода при научном обосновании тех или иных правовых решений: исследователями указывается на необходимость применения таких методов для целей достижения «идеала социального контроля».

Методы, перечисляемые Г. А. Гаджиевым в качестве способствующих устранению коллизий, возникающих

между Конституционным Судом РФ и Европейским судом по правам человека, представляются нетипичными для современного российского конституционного правосудия. Анализ правовых норм или позиций как семиотических структур, учёт обстоятельств и умозаключений, результатом которых стало принятие в том, а не ином виде нормы, правоприменительного или правотолковательного решения, а также обращение к методам других наук и к доктрине — данные методы не могут быть охарактеризованы как активно применяемые КС РФ при формулировании правовых позиций. Оценка опыта применения таких методов в праве и возможностей их имплементации в российский конституционный судебный процесс представляют собой обширные исследовательские задачи, требующие отдельного подробного изучения и не являющиеся частью настоящего исследования. Вместе с тем, при рассмотрении проблемы коллизий, возникающих между ЕСПЧ и КС РФ в рамках защиты свободы экономической деятельности, представляется целесообразным иметь в виду перечисленные методы как возможные инструменты для устранения таких коллизий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 1 февраля 2005 года № 1-П // СЗ РФ. — 2005. — № 6. — ст. 491
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 года № 21-П // СЗ РФ. — 2015. — № 30. — ст. 4658
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2016 года № 12-П // СЗ РФ. — 2016. — № 2480
4. Указ Президента Российской Федерации от 20 мая 2011 г. № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» // Российская газета — 25.05.2011. — № 5486(110)
5. Das Bundesverfassungsgericht (BVerfG). — 14.10.2004. — 2 BvR1481/04. / URL: http://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Entscheidungen/DE/2004/10/rs20041014_2bvr148104.html (дата обращения: 05.01.2017);
6. ECtHR. Prokopovich v. Russia // European Court of Human rights: site. — URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-67538> (дата обращения: 20.01.2017)
7. ECtHR. Republican Party of Russia v. Russia // European Court of Human rights: site. — URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-104495> (дата обращения: 20.10.2016)
8. La Corte Costituzionale. — 264/2012 / S 4. — URL: <http://www.cortecostituzionale.it/actionSchedaPronuncia.do?anno=2012&numero=264> (дата обращения: 05.01.2017)
9. Verfassungsgerichtshof (VfGH). — 14.10.1987 № B267/86 / URL: http://www.ris.bka.gv.at/Dokument.wxe?Abfrage=Vfgh&Dokumentnummer=JFR_10128986_86B00267_01 (дата обращения: 05.01.2017)
10. Аверьянов К. Ю. Решения Европейского Суда по правам человека в системе источников (форм) права России: автореферат дисс. . . канд. юрид. наук // М. — 2006. — 23 с.
11. Андрущенко Е. А. Концепции автономности и субсидиарности в деятельности Европейского Суда по правам человека // Российский юридический журнал. — 2013. — № 4(91). — с. 20–25
12. Бергер П. Лукман Т. Социальное конструирование реальности. пер. Е. Руткевич // Медиум. — 1995. — 323 с.
13. Бондарь Н. С. Европейский конституционализм в аспекте национальной конституционной и европейской конвенционной юрисдикций // Журнал российского права. — 2006. — № 6. — с. 113–127
14. Гаджиев Г. А. Конституционная идентичность и права человека в России [Электронный ресурс] // Конституционный Суд Российской Федерации: сайт. — Режим доступа: http://www.ksrf.ru/ru/News/Documents/report_Гаджиев%20_2016.pdf (дата обращения: 14.01.2018).
15. Гаджиев Г. А. Юбилейные заметки о конституционном развитии и о роли методологии в конституционной юстиции // Журнал конституционного правосудия. — 2017. — № 1(55). — с. 1–7
16. Зорькин В. Д. Проблемы имплементации Конвенции о правах человека // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2015. — № 5. — с. 812–819
17. Королев С. В. К вопросу о юридическом структурализме // Труды Института государства и права РАН. — 2013. — № 4. — с. 196–203
18. Красиков Д. В. Конвенционно-конституционные коллизии и иллюзии: что лежит в основе «возражения» Конституционного Суда России в адрес Европейского Суда по правам человека? // Международное правосудие. — М.: ИППУ. — 2016. — № 3(19). — с. 101–117

19. Лазарев В. В., Мурашова Е. Н. Место решений Европейского Суда по правам человека в национальной правовой системе // Журнал российского права. — 2007. — № 9(129). — с. 110–124
20. Лихачёв М. А. Место решений Европейского Суда по правам человека в контексте постановлений Конституционного Суда РФ 2013 и 2015 гг. и последующих законодательных изменений // Российский юридический журнал. — 2016. — Т. 107. — № 2. с. 48–55
21. Пирс Ч. С. Закрепление убеждения. — в сб. «Начала прагматизма» // СПб.: Алетейя. — 2000. С.92–124
22. Сызранцев Д. Г. Прагматизм в праве (метод Роско Паунда): дисс. ... канд. юрид. наук // Ростов-на-Дону. — 2002.
23. Харитонов Л. А. Феноменологический метод толкования правовых норм // Юридическая мысль. — 2014. — № 6(86). — с. 66–75
24. Честнов И. Л. Природа и этапы развития государственности // Правоведение. — 1998. — № 3. — С. 3–11
25. Peirce C. S. Collected Papers, 2 Volumes / Harvard University Press, 1931–1935. — 962 p.
26. Pound R. Jurisprudence. / West Publishing Co. — 1959. — Vol. 1. — 853 p.
27. Pound R. Social Control Through Law. New Haven / London, — 1942. — 138 p.
28. Pound R. The Scope and Purpose of Sociological Jurisprudence. // Harvard Law Review. — 1912. — Vol. 25. — pp. 140–168
29. Pound R. The Theory of Judicial Decision // Harvard Law Review. — 1922. — Vol. 36. -pp. 641–662.

© Черновол Кирилл Александрович (k.a.chernovol@gmail.com).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

